

**В вихре
времени**

Валерий БОЛЬШАКОВ

ПО ЗАКОНУ
МЕЧА

Мы от рода русского!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б79

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *А. Руденко*

Большаков, Валерий Петрович.

Б79 По закону меча. Мы от рода русского! / Валерий
Большаков. — Москва : Эксмо : Яуза, 2017. —
448 с. — (В вихре времен).

ISBN 978-5-699-98759-7

Олег Сухов, угодивший в IX век, где его прозвали Вещим,
почти поверил, что он и есть та самая историческая лич-
ность, которая собиралась «отмстить неразумным хазарам».

Оказалось, однако, что истинного князя, соратника и на-
следника Рюрика, зовут Халег Ведун.

Не беда! Сухов стал настоящим воином и вполне спосо-
бен сам заслужить себе славу!

Он найдет себе новых товарищей и новых врагов, встре-
тит свою возлюбленную, и сам император Византии возве-
дет его в сан меченосца...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Большаков В.П., 2017
© ООО «Издательство «Яуза», 2017
ISBN 978-5-699-98759-7 © ООО «Издательство «Эксмо», 2017

ПРОЛОГ

Багдад, 299 год хиджры (921 год от Р. Х.)

Утром, в час первой трапезы, Евлогий Комнин степенно прогуливался вдоль берега Тигра и поджидал своих высокоученых друзей — Аббаса Хаддада и Абула ибн-Казира. Оба были знатоками «ал-арисматики» и «ал-джебры», но Евлогия они интересовали исключительно как особы, приближенные к халифу. Аббаса с Абулом стоило лишь разговорить — болтливые и несдержанные, они выдавали массу ценнейших сведений, полезных для базилевса Ромейской империи¹, которому Евлогий давно и верно служил, подвизаясь на поприще тайных дел.

Одетый в белоснежную галабийю² и головной платок, с посохом в загорелой руке, Комнин походил на библейского пророка. Его арабский выговор был чист, репутация безупречна. Никому даже в голову не могло прийти, что Евлогий — джасус, то бишь шпион.

¹ Ромейская империя — верное название для Византии. Базилевс — император.

² Галабийя — длинное, просторное одеяние, традиционное для арабов-мужчин.

Строгое лицо Комнина, осмугленное солнцем, черная бородка с примесью седины, плотно сжатые губы и твердый взгляд, драгоценные четки, перебираемые пальцами левой руки, — все рисовало в воображении встречных натуру властную, вспоенную сурами Корана. Иные из прохожих даже кланялись ему, принимая за особу духовного звания.

Сощурившись, Евлогий Комнин огляделся и скривил рот в раздражении. Велик был Багдад! В громадном городе проживал миллион человек — вдвое больше, чем в Константинополе. Могуч был халифат, но тем ценнее любая победа над этими сыновьями юга, тороватыми и заносчивыми, опасными и коварными, обложившими Византию и грозящими ей великими бедами.

Комнин внимательно огляделся кругом, прикрыл глаза и зашептал, частя и глотая звуки:

— Господи Иисусе, прости мя за невольное служение богу нехристей! Не корысти ради, а токмо во спасение веры истинной кладу поклонны. Пресвятая Мать Богородица, услышь мя и помилуй!

Комнин сокрушенно покачал головою. Ах, знал бы кто, как тяжело бывает кланяться Аллаху и возносить священные формулы мусульман! Ему бы к светлому образу Богоматери припасть, испытать серафический жар и мистический восторг под куполом собора Святой Софии, но судьба разведчика сурова. Первая заповедь шпиона — быть как все. Не выделяться, раствориться в массе, таить истинное лицо свое под чужую маску, ненавистной и богопротивной.

Ромей сгорбился и поплелся дальше вдоль берега Тигра.

Набережная была застроена огромными зданиями, порою доходящими до восьмидесяти локтей¹ в высоту. С нишами-айванами и угловыми башенками, с резными решетками на окнах и цветными куполами, дома создавали образ блеска и роскоши, чарующей тайны и восточной неги. Евлогию представились черные глаза красавиц за узорчатými загородками, масляный блеск золота в неверном свете лампад... Пышные опахала пальм над глинобитными оградами лишь подбавляли яркости первому впечатлению.

Народу на улицах хватало — богатых горожан в длиннополых халатах, с краями, оплетенными разноцветной тесьмой, торговцев с закрученными в жгуты кушаками, ученых с тайласанами — покрывалами из верблюжьего подшерстка, ниспадающими с голов на спины и завязанными узлами на груди, слушателей медресе в чалмах со свисающими концами, ремесленников в стоптаннных туфлях на босу ногу и халатах едва до колен. Все шли пешком или понукали смиренно-безразличных ишаков — верхом на коне имел право ездить только один человек. Халиф.

Царственно опираясь на посох, Комнин обогнул колодец за четыремя арками и столкнулся со здоровенным молодчиком в шароварах и безрукавке на голое мускулистое тело. Голову молодчика обматывала грязноватая чалма, а могучую талию — порядком засаленный пояс, за который был засунут кривой кинжал джамбия.

¹ Локоть — мера длины, 52 см.

— Стой, — лениво проговорил молодчик, кладя ладонь на рукоять кинжала. — Ну-ка, дай сюда четки...

Комнин смиренно протянул затребованное. Его немытый визави повертел четки в руках и поинтересовался:

— Дорогие?

— Не дешевые, — кротко ответил ромей.

— Ага... Теперь вытряхивай дирхемы с динарами¹, и я оставлю тебе жизнь!

— А я тебе — нет.

Пока до грабителя доходил смысл сказанного, Комнин обхватил посох двумя руками, крутанул и разъял его на две половинки — в левой руке остались пустотелые «ножны», а в правой сверкнул узкий клинок. В тот же миг жало вошло в молодое, налитое здоровьем тело багдадского лиходея, погрузившись на всю длину, и вышло, смазанное кровью. Молодчик рухнул к ногам Комнина. Евлогий аккуратно обтер лезвие об истрепанные шаровары, заученным движением собрал свое потайное оружие. Наклонившись, он поднял четки, оброненные убитым. Отошел подальше. Остановился и стал смотреть — на реку, на колыхание мутных вод, на тот берег, всеми силами глуша греховную радость убийства.

Вниз по течению плыли большие серые чайки. Порою, потревоженные идущими с низовой барками, птицы начинали резко, негодуя орать и поднимались в небо.

¹ 6 медных даников составляют 1 серебряный дирхем. 35 дирхемов равны 1 золотому динару.

За рекой был виден Ар-Русафа, загородный дворец халифа, и «Дворец вечности» — Каср ал-хулд, окруженный прекрасными садами и рощами финиковых пальм. Поближе к владыке правоверных переселились многие, целые кварталы выросли рядом с палатами его святейшества — Ал-Мухаррам и Аш-Шамассия. Туда через Тигр вел длинный лодочный мост, выше по течению виднелся еще один — подвесной.

— Досточтимый Халид! — воскликнул чей-то бодрый голос, называя Евлогия его арабским именем.

«Мои болтунишки!» — подумал Комнин, обернулся и увидел Аббаса с Абулом, затянутых в светлые халаты. Ученые гордо несли чалмы верных суннитов, в четыре витка накрученных на головы.

— Салям алейкум, — поздоровался ромей.

— Алейкум ассалям!

Ученые приблизились и с ходу повели прерванную с вечера дискуссию. Речь шла о числах «совершенных», вроде шестерки, об «избыточных», как двенадцать, о «недостаточных» типа восьмерки, о «телесных», «пирамидальных», «фигурных», «дружественных»... Чокнуться можно! Евлогий получил блестящее образование, изучив тривиум и квадримум¹, но этого запаса знаний ему явно не доставало.

— Единица не есть число, — утверждал Аббас, — она начало и основа числа, а потому неделима.

— Истинная единица неделима, — соглашался с ним Абул и тут же начинал спорить: — Но едини-

¹ Тривиум (грамматика, риторика и диалектика) и квадримум (арифметика, геометрия, астрономия и музыка) составляли «семь свободных искусств» — высшее образование для того времени.

ца, применяемая в наглядных примерах, называется ею условно. При взвешивании и измерении объемов, площадей и длин единица подразделяется на большое число частей при помощи деления: такая единица состоит из более мелких единиц...

Ученые бурно заспорили, вернулись к фигурным числам — «плоским квадратным» и «плоским продолговатым», потом перекинулись на «дружественные».

— А вы знаете, — оживленно заговорил Абул, — что сам Абу Камил ныне в Багдаде? Он приехал с караваном из Фустата, дабы посетить Дом мудрости¹.

— Абу Камил Шуджа ибн-Аслам ибн-Мухаммад ал-Хасиб ал-Мисри, — торжественно сказал Аббас, — имеет светлый ум и быстрый рассудок. Вы знакомы с его «Книгой об ал-гебре и ал-мукабале»?

— Почтенный Абу Камил сильно продвинул учение великого Аль-Хорезми, — блеснул знаниями Комнин, — он изображал отрезками прямой и само число, и неизвестную величину первой и второй степеней.

— А давайте навестим его? — загорелся Абул. — Абу Камил живет в Круглом городе, я знаю, где он остановился.

— Тем более что нам по дороге, — тут же согласился Аббас. — Надо заглянуть к диван-беги², он просил уточнить кое-что насчет ширваншаха.

¹ Дом мудрости (Бейт-аль-Хикма) — культурный центр, исламская академия, основанная в Багдаде.

² Диван-беги — начальник дивана, арабского присутственного места.

— Ширваншаха¹? — делано удивился Комнин. — С каких это пор в диване интересуются отступниками из Ширвана, отринувшими власть халифа правоверных? Или готовится война?

— Готовится, — хихикнул Абул. — Только чужими руками!

— О-о... — молитвенно закатил глаза Комнин. — Как я завидую порой вашей близости к престолу! Быть доверенными высших лиц, вращаться в их обществе, касаться тайн, недоступных простым смертным...

— Ах, что вы такое говорите, досточтимый Халид, — пробормотал Абул, весьма, впрочем, польщенный. — Какие тайны... Просто вчера прибыл гонец с Хазарской реки² и принес любопытную весть — воинственные руси собрались в поход на Ширван.

— Что вы говорите! — воскликнул Комнин.

— Да-да-да! — вступил Аббас. — Русы уже спускаются по реке и скоро нагрянут на земли ширваншаха.

— О-о... — протянул Комнин, быстро соображая. — Но это опасно для земель халифата, не так ли? Русы постоянно нападают на наши города в Мазарандане и Табаристане³, жгут и грабят, насилуют женщин и режут мужчин...

— Все правильно, — захихикал Абул. — Но в этот раз визирь принял мудрое решение — позволить русам жечь и грабить отпавший Ширван! Пусть ре-

¹ Ш и р в а н ш а х — титул правителя Ширвана (северо-восточный Азербайджан).

² Х а з а р с к а я р е к а — Итиль, ныне Волга.

³ Районы в Южном Прикаспии.

жут воинов шаха — сколько смогут, пусть силою берут женщин за рекою Кур — сколько захотят. Халифу выгодно ослабление ширваншаха...

— Мудро, — согласился Евлогий. — И много тех русов?

— Эмир из страны Рус собрал дружину и выйдет в Абескунское море¹ на шестнадцать ладьях. Это... — Аббас посчитал в уме и выдал число: — Почти полторы тысячи воинов, умелых и ненасытных в золоте, любви женщин и крови врагов.

— Один эмир и один коназ, — поправил друга Абул. — Сам Халег, сын Ингара, царя Куябы, отправился в сей поход.

— Это точно? — насторожился Комнин.

— Абсолютно! — заявил Аббас с непреерекаемостью имама мечети.

— Вы говорили, что ослабление ширваншаха выгодно нам... А разве убить коназа Халега не выгодно? Ведь русы держат в страхе все побережье — от Джурджана до Гиляна!

— Верно, — снисходительно сказал Абул, — но этим можно поступиться, ибо русы суть главные противники Кунстантинии², грозящие румам с севера. А враг нашего врага — наш друг.

— Пусть даже такой шкодливый, как руси! — засмеялся Аббас.

Воистину, подумал Комнин, болтун — враг тайны...

Переговариваясь, троица приблизилась к стенам Круглого города — Ал-Мадина ал-Муддавара, ядра

¹ Абескунское море — оно же Гурганское, Хвалынское и Каспийское.

² Кунстантиния — Византия. Румы — ромеи, потомки римлян и греков, византийцы.

Багдада. Его внешние стены из сырцового кирпича поднимались на высоту хорошего тополя, а башни возносились еще выше. Минешь ворота, пройдешь шагов сорок — вторая стена встает. За нею по окружности шла улица, переулками деля кварталы на сегменты.

Ученые свернули направо, однако Комнин уже расхотел наносить визит Абу Камилу.

— Ах я беспамятный! — неожиданно запричитал он. — Совсем забыл навестить больного друга! Старый Катар ибн Сабит живет один с дочерью, он ждет от меня помощи и участия. Простите меня, друзья, но нам не по дороге — долг зовет!

— Долг превыше всего, — согласился Аббас.

— Передавайте вашему другу наши пожелания здоровья и долголетия, — добавил Абул. — Да поможет ему Аллах!

Трое раскланялись и разошлись — ученые направились по улице, горячо обсуждая способы измерения земного шара, а Комнин пошагал к центру города.

Евлогий прошел воротами, над коими вздымалась на полста локтей башня караулханы. Прямо от нее к центру города вела длинная галерея, перекрытая полусотней сводчатых арок. Стражник шагнул из тени и грозно спросил:

— Куда направляешься?

— Иду в гости к другу, коего приютил брат халифа, да умножит Аллах лета жизни защитника правоверных!

— Проходи, — смилостивился страж и скрылся в тень.

Евлогий убыстрил шаг и покинул сводчатый переход на большой площади. Ее замыкали в коль-

цо семь присутственных мест-диванов, мечеть Ал-Мансура и дома родичей халифа, а в самой середине возвышался Аль-Кубба аль-Хазра — «Зеленый купол», один из дворцов халифа. Палаты владыки полумира были в самом деле увенчаны блестящей зеленой полусферой, достигавшей восьмидесяти локтей высоты, а на самой ее макушке блестела позолотой фигура всадника с копьем. «Да, умеет жить халиф...» — в который раз подумал Комнин.

Пройдя во двор дома Мухаммада ал-Кахира, брата халифа, Евлогий убедился, что тот живет не хуже. Прямоугольное зеркало бассейна занимало всю середину двора и светилось блеклой синевой летнего неба. Между краями бассейна и зелеными полосками стриженных мирт были оставлены узенькие проходы. Зелень обрамляла аркадумавазин, и получалось, что аркад было две — одна всамделишная, а другая, точно такая же, только перевернутая, отражалась в мерцающем водоеме. И до чего ж они легкие, эти аркадки! Их подпирали тонкие колонки, а каждая арочка была заключена в узорную раму. В орнамент рамы вплеталась вязь арабских букв. «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммад — пророк его» — эти слова повторялись и повторялись, а сам узор сменял свои мотивы с четкостью и последовательностью алгебраической формулы. Лазурная, алая и золотая краски то сплетались в завитках, то разбегались линиями...

Между колонками поблескивали тонкие струйки фонтанов. Комнин прочел замысловато свитую надпись на мраморной чаше: «Смотри на воду и смотри на водоем, и ты не сможешь решить, спокойна ли вода или струится мрамор...» Да уж...

А за водоемом открывался сам дом, обширный и богатый, отданный ал-Кахиром во временное пользование Катару ибн Сабиту — за известные лишь им двоим услуги (Катар спас братца халифа — увел из засады, которую сам же и устроил). Комнин усмехнулся. Знал бы ал-Кахир, кого он пригрел! Имя Катара ибн Сабита было одним из многих, взятых не старым еще Игнатием Фокой, агентом Комнина в арабских землях. Игнатий имел титул спафарокандидата и мог спокойно обитать в Константинополе, отбывая непьющую службу при дворе императора. Но скука гнала его с берегов Золотого Рога на берега Нила и Тигра, где Фоку поджидали опасности и труды. Комнин хорошо понимал Игнатия — сам был такой же...

Между изящных колонн промелькнула фигура женщины, и Евлогий облизнул внезапно пересохшие губы — к нему приближалась Елена Мелиссина, напарница Игнатия. Нет, она не помогала Фоке сносить трудности, она командовала им. Елена была главной в неразлучной паре, играя роль дочери. Одиноким мужчиной поневоле вызывает подозрения, но кого встревожит присутствие отца с дочкой? Впрочем, называть Игнатия мужчиной можно лишь в прошедшем времени — Фока добровольно оскотил себя, дабы спасти душу. Тем лучше для Елены — молодой, умной, коварной, изобретательной, жестокой... и невероятно красивой женщины. Вот уж кого Комнину не понять! Мелиссина принадлежала к богатому и знатному роду, с рождения будучи причисленной к самому высокому придворному рангу, являясь зоста-патрикией. У нее было все, что нужно женщине для счастья, — деньги, роскошный дом в Константинополе, огромное поместье за го-